

Мария Гудыма

Мирослав: айсберг с горячим сердцем

Скоро исполнится год с тех пор, как не стало его. Мне первой пришлось писать ему некролог, начинавшийся словами: «На 45-м году жизни скончался куратор Музея современного искусства Одессы, известный украинский художник Мирослав Кульчицкий...». Любовь всей моей жизни. Самый главный человек для меня на свете. Нужно было писать – чтобы донести ту информацию, которую не смогли бы перевернуть и замолчать. И кто же должен был это делать, если не я? Его увезли в морг, и результаты вскрытия еще не были известны, да и кто пишет в некрологе точный диагноз? Вокруг внезапной смерти молодого активного мужчины тут же стали распускаться нелепейшие слухи. Видимо, не обойтись без диагноза. Кардиомиопатия – слово, которого не было в нашем лексиконе. Коварная, скрыто развивающаяся сердечная болезнь, не дающая ни малейшего шанса в тот момент, когда она заявляет о себе, решительно и бесповоротно. Бомба замедленного действия, заключенная в груди с рождения. Деформировавшаяся сердечная мышца, которая уже не подходит к сердцу и не позволяет ему дальше биться. В медицинском понимании сердце Мирослава оказалось уязвимым, ущербным, но в другом, поэтичном смысле – превосходным, не имевшим себе равных. Слишком многое пришлось вынести этому сердцу за последний год жизни, а ведь настоящий художник все пропускает через сердце!

Суховатый, стильный, изысканный и абсолютно оригинальный в своем творчестве (контекстуализм – дело тонкое, имеющее дело со смыслами), в общении со мной он превращался в сгусток тепла, сентиментов, воркования, которого нам обоим всегда было мало. День святого Валентина, как всегда, мы праздновали в рес-

торане, пусть наш заказ был скромнее, чем в предыдущие годы, но наше счастье было с нами, и я получила сувенирное алое сердечко. Оно и сейчас со мной. А сердце Мирослава, Миры, Мирочки, перестало биться 20 февраля, не прошло и недели. Ровно за месяц до похорон он видел сон: держась за руки, мы с ним выходим из музея, который стал для него вторым домом, а навстречу нам – волны, море цветов невиданной красоты, ласковый ветер в лицо, летящие лепестки...

«Я выхожу из музея, иду по дворику, и вдруг чувствую, что ты берешь меня за руку, – описывал он этот сон. – Ты мне улыбаешься, мы выходим за калитку, и я вдруг вижу, что перед нами набережная – то ли моря, то ли озера. И прямо из воды растут цветы (невероятно красивые, никогда в жизни таких не видел). Мы идем к этим цветам, я держу тебя за руку, и внезапно поднимается ветер в нашу сторону, и цветы склоняются перед нами, склоняют головки, как бы нам навстречу. И этих цветов все больше и больше. А ветер все сильнее. И мы окунаемся в это море цветов, идем дальше и дальше. А у меня при этом одна мысль в голове – мы же уже в воде, ты же сейчас промочишь ноги. Милая, я не могу тебе описать – там были такие красивые цветы, и прикосновение твоей руки, неповторимое».

Мы провожали его с цветами из музейного дворика. И шла я за гробом, а не шагала вместе с ним в неизведанное, где, надеюсь, он меня ждет. Нам бы шагнуть вместе в пламя, как в его рассказе «Прогулка по комнате» это сделали Тамино и Памина, вышитые на диванной подушке, – но вместо этого была жуткая церемония прощания, местами выпавшая из памяти. Помню лежащего в гробу с виноватым видом Мирослава, а еще дурацкие реплики некоторых,

видимо, никогда не имевших сердца людей о том, что якобы «его можно было спасти, сердце – это моторчик, его можно перезапустить», «кремация – это нехорошо, это не по-христиански» и тому подобное. А после мне приснился Мирослав, в недоумении протягивающий ко мне сожженные до мяса руки, руки художника, видимо, он сам еще не успел понять, что же приключилось с ним...

Всего 30 дней не дожил Мирослав до очередной международной выставки со своим участием – 22 марта в Институте современного искусства Филадельфии (США) он должен был участвовать с этой работой «Smoking Kills» (сделанной совместно с Сергеем Коротуном) в проекте «Traces in the Dark». «Курение убивает – а что не убивает?» – отшучивался он в ответ на просьбы хотя бы ограничить количество выкуриваемых сигарет, да и курить-то начал в тридцать пять, отнюдь не в подростковом возрасте, «с целью расширения границ потребления». Зачем-то ему это было нужно – проснувшись, первым делом целовать меня, а затем – сигарету, тут для него останавливалось время, и уж конечно, будь сердце здоровым, никакое курение его бы не убивало... Уже без него состоялась этим летом Четвертая Одесская биеннале современного искусства, сокуратором которой он был. Да вот беда – задуманные им два произведения для этой биеннале не вошли в экспозицию... В Национальном художественном музее в Киеве состоялась выставка его памяти, посвященная одесским концептуалистам, чье влияние испытал и он. Художник Александр Ройтбурд, говоря о необходимости издать сборник литературных произведений Мирослава, назвал его айсбергом, ведь его база, фундамент, были гораздо внушительнее «надводной части».

«Мне кажется, для этого недостаточно оснований, – отшучивался Мирослав, когда одно издание решило включить его в десятку одесских прозаиков. – У меня довольно специфические, экспериментальные тексты, которые не очень «проза» в общепринятом смысле. Кроме того, в отличие от моих дел художественных, мне в литературе мало что есть предложить в смысле широкого признания. Это ситуация, когда у известного художника помимо произведений визуального искусства есть еще и литературные тексты, ценимые знатоками...» С данной оговоркой вошел в рейтинг, который, помнится, начинался с персоналии как

раз ушедшего из жизни Георгия Голубенко. Самому жить оставалось чуть больше месяца.

Невероятная артистическая карьера оставалась для «широкого зрителя» фантомом и ребусом, ведь большую известность художественные работы Мирослава приобрели за рубежом, чем на родине. Литературную деятельность (русский язык с его «тончаками» все же не для зарубежных читателей) он сам для себя поставил на не второй, десятый план даже, чувствуя себя прежде всего художником, артистом. Все это так, но к слову он относился с поистине музыкантской чуткостью, и как любимых Стравинского и Хиндемита, умел слушать голоса толпы, воспроизводить диалекты. Чутким был к молодым талантам, в роли куратора проявлял себя истинным коллекционером, времени на общение с начинающими художниками не жалел, и нисколько не боялся «потеряться» на чьем-то фоне – спокойное достоинство, доброжелательность, готовность делиться идеями, радоваться чужим успехам... С молодыми ему было интересно, он и сам-то не успел состариться, гордился тем, что не выглядит на свой возраст, однако возмутился, когда какой-то невежа написал о нем в Сети как о «малолетке» (это о сорокадвухлетнем известном художнике).

«Стингеры» вместо Стравинского

Мирослав Кульчицкий родился в 1970 году в семье музыкантов. Волею случая это событие случилось в Ужгороде, куда родители приехали из Северодонецка – после окончания Одесской консерватории работали по назначению в музыкальном училище, задумали увеличить состав семьи и переехали поближе к бабушке и дедушке, обосновавшись в тех краях. «Так что я – донецкий пацан!» – шутил Мирослав. Но «ужгородский период» быстро закончился. Началась Одесса, из которой он уезжал много раз в далекие путешествия, но которую считал лучшим городом на земле и не пожелал оставить. Была знаменитая «английская» школа № 9, впоследствии гимназия № 2 на Гаванной, был одесский «нархоз», ныне экономический университет, где он защитил диплом по статистике в 1993 году.

Учеба прерывалась армейской службой, начавшейся в Херсонской области (хрупкий и субтильный, он с трудом выдерживал марш-броски в полной выкладке, прыжки через ямы с напалмом и прочие прелести, безусловно сказавшиеся на слабом с детства сердце), а закончившейся в Афганистане. В последний год так часто снилось все, о чем хотелось забыть: холодная ночь, каменная пустыня, «стингеры», зенитно-ракетная установка, контуры пассажирского самолета на экране прицела, палец на кнопке и жуткое ожидание команды, которую может дать офицер, посоветовавшись со штабом. Иногда во сне кнопка оказывалась вдавленной. В реальности все обошлось, Мирослав не был создан для войны (имя-то какое, мирное и славное!) и радовался, что никого не убил и тем более не собирался этим заниматься в двадцать первом веке. Но в маленькой независимой стране стало твориться страшное. За год погибло больше людей, чем во времена огромной советской империи, ввязавшейся в афганскую кампанию. Возвращение прежних кошмаров заставило вспомнить о сердце, в котором после Афгана врачи нашли неполадки. А так хотелось забыть и о барахлящем клапане (состояние сердечной мышцы кардиограмма не показывает), и о войне как таковой, что темами этими не делился даже с самыми близкими почти до последних дней.

Гвоздичная эссенция

Впервые я увидела Мирослава сразу после его прихода с армейской службы, был литературный вечер, заседание студии, которую вел Богдан Сушинский в детской библиотеке № 11. Моя тогдашняя подруга, поэтесса Элеонора Мазуренко, помогала Богдану Ивановичу привлекать молодых литераторов, и ничто не выдавало в укутанном в теплый шарф (намерзся в гимнастёрке, никак не мог согреться), на вид домашнем мальчике бывшего военнослужащего. Другие ребята-«афганцы», помнится, только о службе тогда и говорили, все время к ней возвращались, стараясь приобрести и «мирные» увлечения, например увлекались скоротчением, подавали себя шумно и ярко.

А Мирослав принес тогда спокойный домашний рассказ, где фигурировали тяжелые портьеры, деревянные панели, ковка, витал запах гвоздичной эссенции, а также присутствовала некая Мария, которая утром сказала: «Ты был великолепен». Он давно забыл этот юношеский рассказ, но для меня все это будто вчера происходило, я вижу его тогдашнего и сожалею, что так долго подшучивала и над этим текстом, и над другими, и над художественными работами («ну виданное ли дело – больничную каталку к потолку привинчивать, к чему такая эстетика конца?»). Работая в отделе культуры газеты «Вечерняя Одесса», я щедро делилась с ним жуткими стихами, которые в изобилии несли в редакцию мящие себя поэтами горожане, – была у Мирослава идея издательского проекта, графоманы имели бы шанс увидеть под одной обложкой совершенно невозможные в газете тексты, но не состоялся проект, а моя коллекция плохой поэзии так и осела в двух наших архивах. Позднее собирались объединить перечитать, вспомнить старые добрые времена, но не успели. Опасное дело – откладывать, и теперь мне остается радоваться воспоминаниям о том, как я недосмотрела спектакль, спеша к нему на свидание, пренебрегла другими обязанностями, которые могли отвлечь меня от общения с ним, хотя он всегда готов был ждать и подстраиваться под мой график. Как хорошо, что я успела сделать счастливыми его последние годы, и «пусть весь мир подождет», думала я, решительно отказываясь от работы в выходные, перенося интервью и встречи.

Перечитывая наше с ним последнее интервью (ну не только же некрологи, я старалась как можно больше о нем писать и при жизни), состоявшееся после Третьей биеннале, замечаю великолепный ответ на вопрос о роли художника в современном мире: «Современный художник ничем не отличается от художника. Есть просто искусство. Другое дело, что для меня искусство связано с такой категорией, как изобретение. И в моем понимании художник тот, кто занимается изобретением художественных моделей. Если же он этим не занимается, то я вряд ли назвал бы его художником. Для художника главное – талант изобретения».

О понимании искусства в том же интервью Мирослав рассуждал так: «Никогда искусство не может быть понято до конца, это обусловлено спецификой художественного языка, метафорического, аллегорического. И в каком-то смысле невозможность понять до конца лично меня интригует как художника и куратора».

И вот – о наиважнейших органах для художника: «Думаю, это голова и сердце, хотя руки тоже могут пригодиться».

Настоящий джентльмен, интеллигент, истинный европеец до мозга костей, он никогда не обижался, оставляя за мной право иронизировать, не соглашаться, завистливо расспрашивать о путешествиях: «У вас, художников, жизнь, а мы только наблюдатели...». Но что дальние страны – не в Париже дело, тут мне хватало его рассказов. Я молча и бешено ревновала издали к женщинам, не давшим ему ни счастья, ни покоя, и когда сама получила шанс, разделила его мечты о доме, где все устроено добротнo и уютно, с деревянными панелями, ковкой и, почему бы нет, с гвоздичной эссенцией в какой-нибудь аромалампе.

Но времени обрести этот дом нам не хватило.

Ты был великолепен.

Хотя почему был? Ты великолепен. Но войти в море цветов мы должны вместе, как в твоём сне. Дай руку, огонь не мог ей повредить. Как и сердцу, равного которому нет и быть не может. И голове, которая сейчас наверняка занята проектами в творческой лаборатории Бога – иного предназначения не может быть у того, кто родился на Пасху, а отпеваем был в Прощеное воскресенье.

Справка

Мирослав Кульчицкий работал в различных медиа современного искусства: инсталляция, видео, фото, site-specific. Директор Центра современного искусства – Одесса (2000-2003), соучредитель Института современного искусства, Одесса (1999-2003). Куратор Музея современного искусства Одессы (с 2013). Участник многочисленных выставок и проектов современного искусства в Украине и за рубежом, в т. ч. «Свободная зона», Одесский художественный музей, 1994;

«Belleville – Milieu du Monde», художественный центр «La Forge», Париж, 1996; «Video Flash», галерея «Hohenthal und Bergen», Кельн, Германия, 1997; Международный фестиваль инновационных аудиовизуальных искусств «Imprakt», Утрехт, Нидерланды, 1998; Второе Триеннале графики, Прага, 1998; «После стены. Искусство посткоммунистической Европы», Музей современного искусства, Стокгольм, 1999; Музей современного искусства, Берлин, 2000; Музей Людвига, Будапешт, 2000; «Regards sur l'Ukraine», Пассаж-де-Ретц, Париж, 1999; «Future is Now. Украинское искусство 1990-х», Музей современного искусства, Загреб, 1999; «Opufri 99», Национальная галерея искусств, Тирана, 1999; «Part of the System», Ассоциация современного искусства «Rotor», в рамках фестиваля «Steirischer Herbst», Грац, Австрия, 2000; «Прощай, оружие!», Художественный Арсенал, Киев, 2004; «Video dia Loghi», Французский культурный центр, Турин, Италия, 2006; «Сценарии будущего», Музей современного искусства Одессы, 2012. Куратор/сокуратор ряда выставок и проектов современного искусства, в т. ч. «4 комнаты» (галерея «DADA», Odessa, 1996); «Супермаркет» (Центр реабилитации, Одесса, 1997); «Found Stuff. Новое искусство Украины» (Центр современного искусства, Киев; «Art System», Торонто, Онтарио, Канада; Украинский институт современного искусства, Чикаго, Иллинойс, США, 2000-2003); «On the Spot. Современное искусство Центральной Азии и Закавказья» (Одесский морской терминал, 2002); «Сценарии будущего» (Музей современного искусства Одессы, 2012-2013). Лекции и семинары в Центре современного искусства – Алматы (2000); Художественной академии, Мальме (2002); Одесской академии архитектуры (2003); Музее современного искусства Одессы (2011).

